

ВСЕГДА РАДУЙТЕСЬ

Непрестанно молитесь. За все благодарите: *ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе (1 Фес. 5, 16-18)*

Цивилизация недотрог

Почему в наше время так легко обвинить человека в педофилии? К каким последствиям для всей цивилизации это может привести? Размышляет психотерапевт Константин Ольховой.

Написать этот текст меня побудил очередной виток истерии, возникший в связи с обвинением в педофилии священника Глеба Грозовского. Сразу оговорюсь: я не юрист, не следователь, я не владею всеми материалами. Не моя задача говорить сейчас о виновности или невиновности конкретного человека. Я просто в очередной раз задумался о том, как ЛЕГКО обвинить человека в подобном... и к чему это всё может привести.

Помните, как все смеялись над фразой «в СССР секса нет»? Настают времена, когда впору поплакать над фразой «в России НЕ СЕКСА нет». Хотя, почему в России — в мире.

Каленым железом в нас впечатывают «простую истину»: любые телесные контакты — суть сексуальное взаимодействие. Мы так муссировали тему секса, что видим его везде. Мужчина, выходя из автобуса, подает руку незнакомой женщине — домогается. Две девчонки забились в одно кресло, шушукуются и хихикают — лесбиянки. Парни идут по скверу — голубые. Мужчина решил перевести старушку через дорогу — ..., ну, до таких ассоциаций пока не дошло, но что-то будет через пару лет.

А уж дети — тема благодатнейшая. Педофилическая история набирает обороты во всем мире. Не только прикосновение, но и улыбка, взгляд — всё может быть расценено как домогательство к ребенку. Недавно от одной своей знакомой слышал такую историю. Подходит к ней на улице мужчина. Подходит и говорит: «Извините, там на тротуаре стоит маленький мальчик и плачет. Не могли бы вы к нему подойти, узнать, что случилось?» — «А что же вы сами не

подошли?» — «А я боюсь. Мало ли что подумают...».

История закончилась благополучно, пятилетний мальчик действительно потерялся, через полицию были быстро найдены родители, но... Но это страшно, когда взрослый мужчина просит женщину подойти к ребенку, боясь попасть под каток общественного мнения.

Ну, а уж самые «разнузданные педофилы» — люди, работающие с детьми. Причем работающие искренне, с душой. В школе-то ещё ничего, а уж в детском лагере... Я сам проходил путь от помощника водителя до начальника лагеря. Я сам обнимал и утешал ревущих детей. Я будил их, страдающих энурезом, ночью и вел в туалет (в одних трусах! гнусный извращенец!). Я хорошо помню, как в середине смены, когда тоска по дому (ведь даже когда в лагере очень интересно, тоска по дому ни куда не девается) достигла максимума, кучка девчонок девяти-одиннадцати лет с визгом: «Папа! Папа!», — повисла на мне, как на дереве. Я рассказывал им сказки на ночь, сидя с ними без свидетелей в темной палате. Я подтыкал им одеяла... Что-то мне подсказывает, что меня легко бы могли обвинить в домогательствах...

Высокомудрые педагоги-психологи-теоретики объясняют, что так нельзя. Что физический контакт с детьми недопустим, что всегда надо иметь надежных свидетелей твоей благонамеренности, что... Да много чего. Только они — теоретики. Хотя, иногда

они бывают практиками, но смотришь на них и думаешь, что лучше бы оставались теоретиками.

Но и это не самое страшное. Педофилические истерии — цветочки. А вот ягодки мы уже собираем, и будем их собирать всё больше и больше.

Наша цивилизация становится цивилизацией недотрог. То, о чём писал Азимов в своей антиутопии «Обнаженное солнце» (мир Солярии, где растут не с родителями, а с роботами, контакты для взрослых крайне мучительны

Икона Целование Божией Матери и праведной Елисаветы

и неприличны, и даже муж с женой видятся по расписанию) становится реальностью. Я — психотерапевт. И в своей работе я практически ежедневно вижу, как всё хуже и хуже становится у людей с тем, что называется научным термином тактильность. А, говоря простым языком, — с прикосновениями, с «дотрагиванием». Люди стесняются дружеских объятий. Родители боятся обнять собственных детей. Даже мужья и жёны стесняются обнимать друг

друга, если это не связано напрямую с интимной сферой их жизни.

Но человек не может жить без физических контактов с другими людьми. В середине прошлого века психиатр Рене Шпитц описал анаклитическую депрессию — депрессию младенцев, лишенных материнского тепла. У взрослых — всё то же самое. Создавая цивилизацию недотрог, мы создаём цивилизацию невротиков. Невротиков, боящихся в

итоге даже обратиться за помощью, ибо помощь — это «прикосновение» (пусть и не физическое).

Мы, боясь секса и восхваляя его, забываем о простом человеческом тепле.

Люди, пожалуйста, будьте тёплыми друг к другу! Обнимайте друг друга! И тогда, быть может, мы все вспомним, что простые человеческие контакты — это не про секс. Это про тепло. И — доброту и милосердие.

Рождественский пост. О любви.

Рождественский пост начинается 28 ноября.

Мы призваны любить друг друга. Любовь начинается с момента, когда мы видим в человеке нечто такое драгоценное, такое светлое, такое дивное, что стоит забыть себя, забыть про себя, и отдать всю свою жизнь — свой ум, свое сердце на то, чтобы этому человеку было светло и радостно. Это не обязательно только обыкновенная, земная радость, это может быть нечто большее. В отношении к Богу, например, если мы говорим, что мы Его любим, мы должны поставить перед собой вопрос: является ли Он самой великой ценностью в моей жизни? Готов ли я так прожить, чтобы Он мог на меня радоваться? Способен ли я на то, чтобы отвернуться от себя для того, чтобы только о Нем думать? Это не значит не думать ни о чем другом, но думать так, чтобы Ему радость была от дум моих и от последующих действий...

По отношению к человеку, о том же говорит Евангелие: так любить человека, чтобы всю жизнь отдать за него. На войне это ясно: ты выходишь в бой, и тебя могут убить для того, чтобы другого спасти. Я вспоминаю друга своего одного, который был очень высокого роста и широкоплеч, и всегда жаловался на это, потому что это обращало внимание людей на него. А во время войны, с одного уголка фронта на другой, он мне послал записку: я теперь только понял для чего Бог меня создал таким высокорослым и широкоплечим: когда бывают обстрелы, то двое могут спрятаться за моей спиной... Это было

сказано как бы с улыбкой, но сколько любви надо для того, чтобы стать между пулями и человеком, которого может быть ты даже и не знаешь, но

человеком, о котором мы не знаем ничего, — только что он есть и что ему нужна помощь; жить так, чтобы быть защитой для другого, чтобы никогда другого не ранить, чтобы для другого быть вдохновением, чтобы для другого быть радостью... Попробуем так прожить, в простоте, не усложняя вещей; подумаем о всех тех, которые нас окружают, о самых близких сначала, которые являются так часто жертвами нашего себялюбия, эгоизма, сосредоточенности на себе. А потом расширим свой кругозор, посмотрим на других людей, которые вокруг нас есть.

Я помню, была у нас прихожанка, которая для всех была камнем преткновения, трудным человеком; её многие не понимали, потому что не знали. Четырнадцать лет она была взята в концентрационный лагерь, вышла из него четыре года спустя, и в ней остался, если так можно выразиться, животный страх. Если кто-нибудь приближался к ней сзади, она реагировала с ужасом и криком. И я помню как мне одна благочестивая женщина сказала: Сколько времени нам ее терпеть? — И я ей ответил: Первые 25 лет будет трудно, а потом это будет радостью... И оно так и случилось. До того, как она скончалась, все ее полюбили.

Подумаем об этом, и научимся любить ценной, открытым сердцем, радостью о том, что можно любому человеку принести радость и крепость, когда есть слабость, и вдохновение, когда нет ничего в жизни ради чего можно жить. Аминь.

Митрополит Сурожский Антоний

Рершина всех добродетелей есть любовь, и если мы не научимся любви, то все напрасно. Вот как апостол Павел говорит: если ты слышишь пение ангелов, если ты знаешь все человеческие языки, если ты имеешь такую молитву, что можешь горы переставлять, если ты знаешь все тайны, от тебя ничего не сокрыто ни на земле, ни под землей, ни на небе, полное имеешь знание, если даже самого себя ты отдашь на сожжение, если ты все, что имеешь, нищим раздал, но, если ты не имеешь любви, никакой тебе в том пользы нет, никакой. Вот это главное, потому что Бог есть любовь.

Ведь все люди братья и сестры, все произошли от Бога, все произошло от Адама, все мы — одно. Какая разница: негр, малаец, китаец? Главное, причастен ли человек Сыну Божию, научился ли он любви.

Вот Господь явил образ этой любви ученикам, они приняли, и это пошло дальше, дальше — и уже весь мир покрылся церквями. А потом люди стали от Христа отступать, стали церкви ломать; кино, вино, домино — только этим и начали жить. Поэтому единственное наше спасение в том, чтобы опять вернуться к закону Божию. А он заключается только в одном слове: любовь. Все заповеди сводятся только к одному: люби Бога всей своей душой и люби ближнего своего. Вот в этом весь закон и заключается.

Но иной говорит: я Бога люблю. Да как же ты Бога любишь, если в церковь не ходишь? кто же тебе поверит? Или: мамочка, я тебя люблю, ты у меня самая родная! А что же ты не мог позвонить два месяца? Разве это любовь? Машину свою больше любишь: пропадаешь в гараже с утра до вечера. Так, значит, твоя любовь — там, потому что где сокровище человека, там и его сердце. Кто что любит, тот к тому и тяготеет.

Поэтому надо нам свою жизнь всю переделать. У нас, конечно, нет этой любви. А как ее достигнуть? Мы же не можем ее выжать из себя. Нет, это все постепенно. Надо учиться смиряться, надо учиться друг друга терпеть, надо учиться обязательно прощать. Вот это и значит оказывать любовь.

Протоиерей Димитрий Смирнов

у которого есть мать, жена, дети, которых ты можешь спасти...

И в жизни мы можем также становиться между бедой и человеком, даже не знаемым нам человеком, даже

О молитве и спасении коровы

Как нужно молиться? Какая молитва правильная, какая — нет? Когда Бог нас слышит? Размышляет священник Сергей Круглов.

Как-то ночью задремал мобильник:

— Спишь, отче?

(Ну и вопросец среди ночи, раздраженно думаю спросонья!..)

— Ты, отче, помолись... Мы тут корову повезли продавать из деревни в город. А машина сломалась... Вот теперь пять километров надо как-то пешком пройти, с коровой...

Звонил мой товарищ, церковный человек, верующий. Не просто верующий — но свято убежденный, что наиглавнейшее дело священника — молиться во всякое время дня и ночи о всякой нужде всякого, кто бы ни попросил, и что молитва непременно «помогает»...

Какое-то время я сидел на кровати, раздражаемый двумя чувствами. Первое, по-человечески раздраженное (такое бывает, когда человека оторвали от сладкого сна), неудержимо говорило мне: да какая чушь, подумаешь, корова! И что толку от твоей молитвы? Вертолет, что ли, им Бог пошлет по твоей молитве?! Спать, спать!.. А второе чувство, тоже неудержимое, но точно описать которое я затрудняюсь, говорило: имей совесть. Тебя ведь ПРОСЯТ. Для тебя это досадная ерунда, а для них — важно. Помолись. Не рассуждай — а просто встань и помолись, как можешь.

Я встал с кровати, перекрестился в сторону иконки, еле различимой во тьме, и помолился. Помолился кое-как, борясь со свинцовой сонной паморочностью, бессвязными словами (голос, один из тех, которые обычно работают в голове «глушилками» и мешают молитве, непрерывно хихикал: «А корову-то как помянешь?

Корова-то поди некрещеная?!...»). Молитва вышла чрезвычайно сумбурная, неказистая, краткая и примитивная, типа: помоги, Господи, этому рабу Твоему и его корове, спаси их и помилуй!..

И, когда улегся снова, понял, что уснуть не получается. Я лежал и

думал вот о чем: а есть ли какой-то прок вот от такой моей молитвы? Всем известны словасвятителя Игнатия (Брянчанинова): «Надо помнить, что сущность молитвенного подвига заключается не в количестве прочитанных молитвословий, а в том, чтобы прочитанное было прочитано со вниманием, при сочувствии сердца», — но ведь как раз этого «сочувствия сердца» к разбудившему меня товарищу и его корове в моем полусонном, паморочном обращении

слез, нет вдохновения, продираюсь через собственную лень и рассеяние, через отвлекающие помыслы, как через заросли репейника, наверно, Богу такая молитва негодна...».

И я помню самого себя в первые годы воцерковления — как точно так же сокрушался, и казалось, что Бог от меня отступил, что я согрешил чем-то ужасным, потому вот только что было, было оно, вдохновение при молитве — а вот его уже нет, как тужился изо всех сил, пытаюсь вернуть это вдохновение, заново воспроизвести его в себе, как тер уши, щипал себя и жег ладонь на свечке, чтоб не засыпать при молитве, чтоб выгнать из головы посторонние мысли и образы, как — вот именно! — смотрел сам на себя со стороны и изо всех сил пытался молящимся — выглядеть...

Выглядеть, а не быть.

Молитва — это общение, разговор с Богом. И мне тогда не приходило в голову, что Бог может говорить в этом общении только со мной, с кем то, кто — понастоящему есть. Кто не выглядит, а является самим собой... А чтобы быть собой, надо, прежде всего, узнать самого себя — и принять себя таким, как есть, поставить себя перед Богом таким, как есть, ничего не скрывая, как бы тяжело или противно это ни было.

Таким, как есть — слабым, грешным, противоречивым, мало на что путнее годным. Но все-таки из последних сил цепляющимся за Бога...

Господи! Вот я, посмотри на меня! Просто посмотри, прошу Тебя, я здесь. Смотреть, конечно, особо не на что, я знаю, что недостойн показаться тебе на глаза — весь в греховных болячках, весь в грязи, нелепый, позорный... Но Ты заповедал мне верить, что любишь меня, что не оставишь никого, что ради меня, вот такого, как есть, Ты пошел на крест — и я верю, Господи, правда, вера эта очень слаба, исчезающе слаба, и я стою на этом месте, где Ты можешь меня увидеть, из последних ее остатков, из последних сил — больше не пытаюсь спрятать от тебя свои нечистоты...

Я не знаю, зачем я нужен Тебе, я не

Сила доверия. История как притча.

В центре города в девятиэтажном доме вспыхнул пожар. Служащие с нижних этажей здания и жильцы с верхних в спешке покидали помещения.

Только восьмилетний мальчик крепко спал в своей квартире на восьмом этаже. Его мать была в отъезде, а отец вышел за продуктами в соседний супермаркет.

Огонь быстро охватывал этаж за этажом и поднимался все выше и выше. Пожарники боролись с огнем, но безуспешно. Они просили помощи у пожарников других районов и предместий города. Драма стала превращаться в трагедию, когда пожарники увидели в окне восьмого этажа лицо испуганного ребенка. Сила огня возрастала, пламя продолжало распространяться с огромной скоростью и уже поглощало пятый этаж. Появился отец ребенка, его лицо было искажено ужасом. Пожарники попытались приставить лестницу к стене здания, но огонь не давал возможности взобраться по ней.

— Папочка! Мне страшно! — услышали пожарники голос мальчика.

Отец, плача, кричал сыну:

— Не бойся, мой мальчик! Я здесь, внизу! Но дым мешал ребенку видеть отца.

— Папа! Я не вижу тебя! Я вижу только дым и огонь! Но отец видел ребенка, огонь освещал его.

— Но я тебя вижу, сынок! Знаешь что ты должен сделать? Прыгнуть вниз. Мы тебя тут поймем, нас тут много. Прыгай!

— Но я ничего не вижу! — кричал сын.

— Тогда закрой глаза и прыгай! Я тебя вижу!

— Папа! Я тебя не вижу, но иду к тебе!

И мальчик прыгнул, его поймали, отец крепко обнял сына, они вместе плакали и смеялись от счастья.

✠

Был человек богат, стал вдруг нищим, это тяжело, но поправимо. Был здоров, стал больным, и это поправимо — ибо с нищим и с больным есть Христос. А потеряешь веру — великое несчастье. Оно тем ужасно, что нет у человека никакой опоры... (преп. Варсонофий)

к Богу и не было?... А вовсе наоборот — молился я через силу, преодолевая тяжесть и раздражение?... Значит, что же — всё зря?...

Этот вопрос волнует многих. Как часто приходится слышать на исповеди: «Не чувствую благодати при молитве... Молитва моя сухая, нет умиления, нет

на крест — и я верю, Господи, правда, вера эта очень слаба, исчезающе слаба, и я стою на этом месте, где Ты можешь меня увидеть, из последних ее остатков, из последних сил — больше не пытаюсь спрятать от тебя свои нечистоты...

Я не знаю, зачем я нужен Тебе, я не

могу вместить, что Ты можешь любить меня, такого как есть, ведь и сам я любить никого не умею и не знаю, как это — любить, но доверяю единственно Твоему слову, сказанному Тобой обо мне: «Даже если отец и мать оставят тебя, Я никогда не оставлю и не покину тебя». Вот я, Господи — делай со мной что хочешь и что знаешь, потому что сам с собой я сделать ничего доброго не могу совершенно, я пытался, но попытки закончились позором, я, как оказалось, не бэтмен, я истощил свою самость в потугах «выглядеть» перед Тобою...

И вот тут, где кончается мое самостное трепыханье, начинаются настоящие отношения между настоящим мной — и настоящим Богом. Начинается — не молитва даже, нет, а какое-то смутное понимание того, какой именно молитва должна быть...

Настоящая, реальная молитва. Моя, такого, как есть.

Мне, такому как есть, до искусства молитвы святых подвижников, до сведения ума в сердце, исихии, высот Богопознания — далеко.

Но кое-что в молитве я уже успел понять: что вдохновение, подъем, умиление, нерассеянность и воспарение — это от меня не зависит. Это — не мое, это подарки от Бога.

А что — мое? А только вот это малое: упорная потуга, попытка преодоления себя. Помолиться просто потому, что должен, просто потому хотя бы, что кто-то попросил тебя об

этом. Помолиться, несмотря на неохоту, на почти неверие в то, что будешь услышан, помолиться как получится.

И вот этот момент — усилия преодоления себя, пусть это усилие и не увенчивается видимыми результатами, пусть кажется никчемным, сразу же падающим ниц, пусть наша слабая молитва кажется нам не воспаряющей не только до Бога, но и до потолка — мне видится очень важным. Мало того — столь же важным, думается, он видится и в глазах Божиих. По крайней мере, на нашем, новона-чальном, этапе (по правде-то сказать, чем дольше живешь, тем все более чувствуешь себя новоначальным...)

Именно поэтому, насколько не обольщаясь насчет «силы молитвы» и прочих вещей, о которых любит порассуждать церковный народ, я все-таки не удивился, а принял как закономерное, что у моего товарища с его коровой всё закончилось благополучно. Ведь Бог истинно всемогущ и свободен, и может всё. И почему бы Ему не мочь отложить на время все архиважные заботы по устройению мироздания и не заняться устройением судьбы пешеходствующей в ночной тьме коровы, о чем его сквозь зубы нехотя попросил полусонный иерей в трусах и майке? Почему бы нет, скажите на милость, ведь если Он захочет — кто Ему воспретит?

Об избрании королевы красоты

Ры в безумной радости сообщаете мне, что Ваша дочь избрана королевой красоты, и словно ожидаете моих поздравлений. Мне и писать об этом стыдно, и вместо поздравлений я выражаю Вам свое глубокое соболезнование.

Почему-то Вы еще пишете в письме: «Моей дочери, как образованной девушке, это очень лестно». Что сказать об образованных и необразованных в наше время? Среди множества различных кризисов современности кризис образования — один из главных. Кто знает, кого скорее можно назвать образованным: какую-нибудь городскую даму или стыдливую деревенскую пастушку? Здесь трудно будет прийти к общему мнению, пока мы не определим понятие образованности и не скажем вместе с народом, что образован тот, кто несет образ, то есть хранит честь. А кто чести не имеет, образованным быть не может, где бы он ни жил, какое бы положение ни занимал, сколько бы знаний ни скопил.

В наших сербских деревнях о красоте говорили шепотом, а о нраве — в голос. Это исходило из глубокого народного сознания, что красота — нечто преходящее и от человека не зависящее, а характер постоянен и зависит от воли человека. Слышали народную песню о девице Милице: «Я не волшебница, чтобы тучи гонять, я девица, чтобы себя охранять». Избрание королевы красоты — возрожденный обычай древних латинских народов. По сути, это не что иное, как искусно прикрытая торговля белыми рабами. Известны ли Вам судьбы таких красавиц? Они страшны! Невенчаные браки, внебрачные дети — бедные дети! — сенсационные бракоразводные процессы, самоубийства. Вот та стезя, по которой чаще всего следуют королевы красоты! Неужели и Ваша дочь... Лучше было бы дать ей прочесть о героической гибели ее отца на горе Цер, чем вывести ее на этот ярмарочный и опасный спектакль. Кто может поручиться,

что Ваша радость не обернется вскоре глубокой печалью и стыдом, таким стыдом, от которого Вы при свете дня будете прятать лицо? А соседи будут злорадно насмехаться над Вами, и это еще больше будет терзать Ваше сердце.

Из всех искушений, которые человеку надлежит пре-одолеть, красота — одно из самых сильных. Святые великомученицы Екатерина и Варвара, Анастасия и Параскева и многие другие преодолели его, ибо познали другую красоту, ту, что дороже физической. Но сможет ли преодолеть его Ваша дочь, которая не обладает духовным зрением, которая добровольно пошла на это торжище? Да поможет ей крепкий Господь! Но красота, как и богатство, и больше, чем богатство, ведет к надменности, а надменность — престол, с которого неминуемо срываются в адскую бездну.

Американские киноторговцы выдумали ради большей прибыли, что Иуда-предатель был самым красивым из двенадцати апостолов. Это, конечно, не доказуемо ничем, кроме смерти Иуды. Конечно, вы слышали и читали, что гибель его была подобна гибели многих современных королей и королей красоты. Этот «прекрасный» Иуда после предательства Сына Божия, бросив сребренники в храме, пошел и удавился (см.: Мф 27, 5).

Тому, кто далеко зайдет по тропе диавольской, трудно вернуться назад. Что Вам посоветовать? Как можно скорее выдайте свою дочь замуж; чем скромнее будет жених, тем лучше; выдайте за какого-нибудь пекаря или кондитера (конечно, если благочестивый человек не побоится взять на себя такую ответственность). Только в этом случае Вы можете надеяться на законных внуков и благословение Божие. Силой Своей Творец может сохранить человека от падения на скользком пути, по которому он по незнанию или по немощи следует. Да поможет Он Вам и тем, кого вы любите сильнее всех на свете, — Вашим детям!

Святитель Николай (Велимирович)

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЭТУ ГАЗЕТУ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ.

ЕСЛИ ОНА СТАЛА НЕ НУЖНА, ОТДАЙТЕ ЕЕ ДРУГИМ ЛЮДЯМ ИЛИ ПРИНЕСИТЕ В ХРАМ.

Печатный орган прихода храма «Преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких». Тираж 200.

Настоятель прихода священник Алексей Суханов (тел. 8 904 410 8101). Распространяется бесплатно.